

Сталинская модель науки: история и современность российской психологии¹

Антон Ясницкий

(Торонто, Канада)

Резюме

Данное исследование опирается на серию революционных исследований и публикаций последнего времени, в которых была заложена основа будущей сравнительной дисциплинарной истории психологии в России досоветского, советского и постсоветского периодов. Представляется целесообразным в сжатом виде подвести некоторые итоги этих исследований в первой части этой работы, а затем, в ее второй части, перейти к обсуждению «сталинской модели науки» в ее актуальной реализации в современной российской психологии 21 века. В заключение высказано предположение, что «сталинская модель», доминирующая в современной русской науке, в частности, психологии, является существенным препятствием на пути к дальнейшему эффективному ее развитию в современных условиях и что фундаментальная реформа не только социального уклада, но и традиций историографии русской психологии насущно необходимы.

Данное исследование опирается на серию революционных исследований и публикаций последнего времени, в которых была заложена основа будущей сравнительной дисциплинарной истории психологии в России досоветского, советского и постсоветского периодов. Представляется целесообразным в сжатом виде подвести некоторые итоги этих исследований в первой части этой работы, а затем, в ее второй части, перейти к обсуждению «сталинской модели науки» в ее актуальной реализации в современной российской психологии 21 века.

¹ Эта статья специально подготовлена по запросу организаторов конференции для публичной презентации и в отсутствие автора зачитана в виде доклада на конференции "Ананьевские чтения – 2015: Фундаментальные проблемы психологии". С.-Петербург, 20-22 октября 2015. По своей сути этот текст представляет собой очень сжатое изложение значительного сегмента работы автора, — а также его коллег и единомышленников на четырех континентах — за текущее десятилетие 2010х, промежуточные результаты которой были сформулированы в своего рода итоговой публикации, вышедшей в виде коллективной монографии под названием «Ревизионистская революция в выготсковедении» (Revisionist revolution in Vygotsky studies) под редакцией Ясницкого и Ван дер Веера в сентябре-октябре 2015 г. в издательстве Раутледж (Routledge); см. (Yasnitsky & van der Veer, 2015). Публикация расширенной испаноязычной версии книги готовится к выходу в середине следующего года в издательстве Миньо и Давила (Miño y Dávila Editores). За небольшим исключением, все работы автора, процитированные ниже, доступны в Интернете по адресу: . <http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/> . Для профессиональных контактов и коммуникаций автор статьи доступен по электронному адресу: anton.yasnitsky@gmail.com . Автор выражает глубокую признательность организатору и руководителю секции истории психологии конференции проф. Н.А. Логиновой за интерес к его работе и за персональное приглашение к участию в конференции.

Психология в России как научная дисциплина: история 20 века

Итак, в недавних исследованиях и публикациях было выявлено и продемонстрировано следующее:

Первое. Дореволюционная психология в России была неоригинальна и следовала за современной западной психологической наукой того времени. При этом русская психология была разделена между тремя такими сферами как:

- (1) философия и богословие (спекулятивная и неэкспериментальная)
- (2) экспериментальная академическая психология (в двух своих редуционистских разновидностях: спиритуалистически-виталистической и рефлекторно-физиологической) и
- (3) прикладная атеоретическая психология (преимущественно в таких областях как народное образование и, отчасти, в био-медицинских науках)².

Второе. Попытка преодолеть разрыв между теоретически-спекулятивной, эмпирической и прикладной психологией была осуществлена только после большевистской революции 1917 года и проводилась в рамках разработки интегративной био-социальной научной дисциплины на базе методологии марксизма. Именно в это время русская психология и начинает привлекать значительное внимание иностранных коллег и занимает определенное место среди других национальных традиций внутри этой научной дисциплины³.

Третье. Становление психологии как самостоятельной научной дисциплины в СССР состоялось в период раннего сталинизма, в основном—после 1936 г. в результате масштабной реорганизации психоневрологических дисциплин в стране. В дальнейшем статус этой дисциплины значительно возрос в конце 1930х, а в особенности в ходе Второй мировой войны (1939-1945), что отразилось в фактическом признании этой дисциплины в числе одной из официальных академических научных дисциплин в Советском Союзе и введением ее в учебные программы общеобразовательной школы в виде одного из предметов (в 1946)⁴.

² См. (Yasnitsky, 2015b; Ясницкий, 2015).

³ Об интенсивных международных контактах, транснациональных проектах при участии советских психологов и международном статусе довоенной советской психологии см. серию публикаций 2010х годов на тему «изоляция советской психологии»: (Allik, 2013; Lamdan, 2013; Lamdan & Yasnitsky, 2013, 2015; Proctor, 2013; Yasnitsky, 2015a; Гончаров, 2013; Ламдан, 2013; Ясницкий, 2010, 2011a, 2011c, 2012a, 2012b, 2012c, 2012e, 2013; Ясницкий, А. / Yasnitsky, A., 2013).

⁴ Идея о фактическом зарождении советской психологии как окончательно институционализированной научной дисциплины в 1936 г. не нова: она проходит красной строкой через множество публикаций по истории советской психологии послевоенного периода и вплоть до, условно говоря, «перестроечного периода» середины 1980х. В более поздних публикациях это положение подверглось решительной ревизии в пользу противоположной историографической интерпретации так называемой «репрессированной науки». Тем не менее, в публикациях последнего времени вновь активно обсуждается идея о решающей роли постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» от 4 июля 1936 г. в социальном становлении психологии как институционализированной научной дисциплины в СССР. Аргументацию в поддержку этого тезиса см., например, в (Байфорд, 2015; Ясницкий & Завершнева, 2009), а также в уже цитированных выше публикациях, в первую очередь в (Ясницкий, 2015).

Четвертое. Окончательная институционализация психологии в стране и формирование ее своеобразного дисциплинарного этоса произошло в рамках «сталинской модели науки» после войны, в период ранней Холодной войны и позднего сталинизма (1947-1953), наиболее существенными характеристиками которого являются ксенофобия, государственный антисемитизм, нео-имперская и националистическая риторика и исключительная централизация органов власти, партийно-государственных институтов и научно-административных органов контроля над научными исследованиями (напр., АН СССР или ВАК)⁵.

Пятое. Административное управление психологией как научной дисциплиной и общественным институтом в стране на протяжении 1930х-1950х осуществлялось в основном представителями поколения 1890х-начала 1900х, получившими классическое гимназическое образование дореволюционного образца, включая основательную подготовку в области изучения ряда европейских языков (по преимуществу, немецкого и французского). И напротив, смена поколений в администрировании этой научной дисциплиной в стране состоялась на протяжении 1960х-1970х, когда все ключевые административные посты заняли представители поколения, рожденного во второй половине 1920х-первой половине 1930х. Представители этого поколения зачастую получали школьное образование в годы войны, а их университетское образование и аспирантура проходили как правило уже в послевоенный период. Именно в это время они безальтернативно усвоили «сталинскую модель» науки позднего сталинизма, которую они затем в полной мере реализовали в своей административной деятельности по организации науки в стране в 1960е-1980е годы⁶.

⁵ Программными и классическими публикациями о так называемой «сталинской» (или же «сталинистской») науке являются работы Н.Л. Кременцова, вышедшие еще в последнем десятилетии 20 века; см., например: (Krementsov, 1997; Кременцов, 1994, 1997). Тем не менее, несмотря на популярность термина «сталинская наука» (Stalinist science) в международном научном дискурсе, это выражение представляется не вполне корректным в свете поставленных в данном исследовании задачи изучения истории советской и русской психологии 20 и 21 века, т.е. в период, существенно перекрывающий хронологические рамки жизни Иосифа Сталина. Именно поэтому более предпочтительным для наших текущих задач описания явлений, событий и процессов на протяжении всего послевоенного периода представляется использование выражения «сталинская модель науки».

⁶ «Демографический аргумент», подчеркивающий поколенческий разрыв в советской психологии далеко не нов; см., например, (Toulmin, 1978). И вправду, в публикациях, представляющих традицию «репрессированной науки» в истории психологии, нередко обсуждается разрыв в двух традициях, представленных дореволюционным поколением и советским поколением научных деятелей, или же, по выражению Г.П. Щедровицкого, «разница между людьми того, предшествующего поколения, которые воспитывались в совершенно другой культуре, на совершенно других принципах, и людьми нового поколения, воспитывавшимися уже в 1920–1930-е годы» (Щедровицкий, 2001, pp. 50–51). Таким образом, причиной и социальной подоплекой поколенческого разрыва называется феномен выдвигенчества в Советском Союзе 1920х-1930х; см. характерный пример в (Артемьева, 2011). Тем не менее, анализ карьер наиболее видных советских психологов приводит нас к заключению об ошибочности этого положения; см., например, разбор карьерного становления психологов так называемого «круга Выготского» в довоенный период (Yasnitsky, 2011, 2015c). И в самом деле, список наиболее крупных в научном — и, что гораздо существеннее в контексте данного обсуждения, в административном отношении — психологов второй половины 1940х-1950х включает в себя такие имена как С.Л. Рубинштейн (1889-1960), Д.Н. Узнадзе (1886-1950), К.Н. Корнилов (1879-1957), Б.М. Теплов (1896-1965), А.А. Смирнов (1894-1980), А.Р. Лурия (1902-1977),

Шестое. Несмотря на центробежные процессы периода перестройки, развал Советского Союза и некоторые попытки реформирования науки в 1990е годы, — не говоря уже о демонтаже сталинизма как политической системы во второй половине 1950х, а затем, к началу 1990х, также и таких существенных образующих элементов этой системы, как государственный террор против населения страны (ликвидирован в середине 1950х), однопартийная система управления, официальная государственная цензура и система номенклатурных назначений (окончательно ликвидированы в начале 1990х)— можно утверждать, что «сталинская модель» пережила период «оттепели» конца 1950х—начала 1960х, умеренного брежневского «нео-сталинизма» второй половины 1960х—начала 1980х, и, с незначительными модификациями более позднего времени, осталась доминирующей моделью в социальной организации науки, а также в ценностной шкале и поведенческой практике российских академических психологов⁷. Именно эта модель в ее современной реализации и является объектом рассмотрения в данной работе.

«Сталинская модель» в русской психологии: современность, 21 век

Сталинская модель в науке характеризуется не только и не столько ее социальной организацией и органами управления, но в первую очередь системой ценностных ориентаций, повседневных поведенческих механизмов и своеобразным этосом этой науки, которые пронизывают всю систему от ее верха до самого низа. Таким образом, в результате исторического и социологического анализа положения дел в этой дисциплине в

А.Н. Леонтьев (1903-1979), Г.С. Костюк (1899-1982), Б.Г. Ананьев (1907-1972): за редким исключением и с той или иной поправкой каждого из них можно причислить к «дореволюционному поколению». И тем не менее, поколенческий разрыв все же был, и в ряде публикаций автора этой работы проводится та мысль, что массовый разрыв поколений в руководстве советской психологией состоялся не в период становления сталинизма в 1930х, а значительно позже, в 1960х-1970х годах. В более развернутом и аргументированном виде этот тезис развернут в (Yasnitsky, 2015b).

⁷ Имплицитно это положение рассмотрено на примере исследования популярного представления о так называемом «запрете на Выготского», якобы существовавшего в сталинский период, т.е. приблизительно с 1936 по 1956 годы. Как показал анализ, несмотря на цензуру в отношении тех или иных рукописей и публикаций этого ученого, никакого запрета на упоминание имени, цитирование и публикации работ Выготского так такового в сталинский период в Советском Союзе не было. И напротив, проблематизируя понятие «запрет», авторы приходят к заключению о возможности применения такого понятия к поведенческой практике советских научных деятелей в послевоенный период вплоть до публикации шеститомника работ этого автора в начале 1980х (Fraser & Yasnitsky, 2015). При этом отмечается, что «Собрание сочинений Л.С. Выготского» в шести томах, вышедшее в Советском Союзе в 1982-1984 годах под редакцией М.Г. Ярошевского, было опубликовано с существенными редакторскими искажениями и грубой цензурной правкой текста, которые вынуждают нас ставить под вопрос аутентичность всего этого издания в целом; см. (Mecacci & Yasnitsky, 2011; Van der Veer & Yasnitsky, 2011, 2015a, 2015b; ван дер Веер, 2012; Гольдберг, 2012; Завершнева & Осипов, 2010, 2012; Коул, 2012; Ренатус, 2012; Ясницкий, 2011b, 2012d). В итоге, именно эта неудовлетворенность качеством советских публикаций работ Выготского послевоенного периода—в частности, работ, опубликованных под редакцией М.Г. Ярошевского—обусловила необходимость в новом издательском проекте: так называемом «PsyAnima Полном собрании сочинений Выготского» (Yasnitsky, 2012). Со списком факсимильных изданий, вышедших в издательстве «Наше Всё» можно ознакомиться в Интернете по адресу: <http://psyanimajournal.livejournal.com/3526.html>. Информацию об издательстве «Наше Всё» см. также в Интернете: <http://psyhistorik.livejournal.com/75410.html>.

ходе ее исторического развития и современного состояния были выявлены следующие характеристики, которые можно условно сгруппировать в шесть категорий. В крайне сжатом виде их можно описать следующим образом:

1. *Централизация и контроль*—

Характерны для всей сталинской системы, в частности, и сталинской модели науки. В рудиментарной форме в настоящее время сохранились в виде таких социальных институтов, как Российская академия наук (РАН) и Высшая аттестационная комиссия (ВАК). Как показывают недавние расследования, проведенные в рамках добровольческого проекта Диссернет, именно эти структуры—в отсутствие социального заказа на государственный контроль над наукой—служат источниками коррупции и, в частности, коммерческой фальсификации диссертаций в Российской Федерации⁸. Другим аспектом централизации в науке является современная ситуация, при которой контроль над наукой на том или ином уровне или в том или ином географическом ареале находится в руках одного лица или очень ограниченного числа лиц. Традиционно к управлению психологией в стране допускались выходцы из Московского или Ленинградского (впоследствии: Петербургского) университетов или близко связанные с ними лица. Во многом эта тенденция сохраняется и до наших дней. Так, например, декан факультета психологии Московского университета занимает одновременно ряд ключевых руководящих позиций, которые дают ему непосредственный контроль над значительным сегментом российской

⁸ Литература по этому вопросу стремительно растет в последнее время. В качестве примера расследования системной коррупции и фальсификации научных работ в психологии, затрагивающее высшие эшелоны административно-научной иерархии в российской психологии — и, в частности, руководящие и надзорные органы Российской академии образования (РАО), Российского психологического общества (РПО) и Высшей аттестационной комиссии (ВАК) в лице персоналий научных деятелей таких как:

- действительный член, академик-секретарь Отделения психологии и возрастной физиологии и член Президиума РАО А.А. Деркач (см. состав Президиума РАО: <http://rusacademedu.ru/akademiya/prezidium-rossijskoj-akademii-obrazovaniya/>),

- вице-президент, координатор Попечительского совета и член Президиума РПО С.Л. Кандыбович (см. состав Президиума РПО: <http://pno.pf/rpo/structure/prezidium.php>) или

- кандидаты в члены экспертного совета по педагогике и психологии ВАК И.В. Абакумова, М.Я. Виленский, Л.Г. Лаптев, П.В. Сысоев (см. материалы публикаций Аллы Калабриной в Интернете: <http://trv-science.ru/2015/04/07/kandidaty-v-ekspertnye-sovety-vak/>), а тж. список кандидатов в члены экспертного совета по педагогике и психологии ВАК: <http://vak.ed.gov.ru/232>).

Далеко не полный список обнаруженных психологов-фальсификаторов диссертаций и другие материалы расследования деятельности российских психологов см. в проекте Диссернет в Интернете, например: <http://wiki.dissernet.org/tools/migsu3.html>. Некоторые предварительные обобщения в области фальсификации научно-квалификационных работ в России см. в (Rostovtsev, 2015) (текст публикации в Интернете: http://herb.hse.ru/data/2015/09/24/1075563638/HERB_05_view.pdf#page=17); на русском языке этот текст доступен в Интернете по адресу: <http://www.dissernet.org/publications/herb.htm>. В конце этой работы автор приходит к важному заключению: «Оказалось, что в составе редакций многих журналов с низким значением импакт-фактора работают одни и те же персонажи, которые заседают в диссертационных советах, замеченных в масштабных фальсификациях, и одновременно входят в состав соответствующих экспертных советов Высшей Аттестационной Комиссии, которая нередко покрывает деятельность мошенников. Такой троичный паттерн, типичный для работающих фабрик фальшивых диссертаций, неизменно присутствует во всех областях знаний, пораженных эпидемией грубых нарушений академической этики». Из других недавних социологических исследований «рынка диссертаций», коррупции в российской науке и фальсификаций научных исследований в Российской Федерации следует отметить такие публикации, как (Golunov, 2014; Osipian, 2012).

академической психологии в административной, исследовательской, публикационной и надзорной областях этой дисциплины.

2. *Клановость*—

Предопределяется системой найма на работу в области науки в РФ. Так, согласно последним социологическим исследованиям явления так называемого «имбридинга» в системе образования (т.е. найма на работу в учебные и научные заведения выпускников этих же организаций), для российской модели вполне характерной является такая ситуация, когда решение о приеме на работу принимается фактически одним человеком, занимающего должность заведующего кафедрой, либо весьма ограниченным кругом лиц. Таким образом, создаются все предпосылки для формирования кланов и кланов в науке, связанных патрон-клиентскими отношениями и базирующихся на персональной лояльности в значительно большей степени, чем на академической исключительности или заслугах перед научным сообществом. Согласно исследованиям, это ведет к выхолащиванию научного содержания и понижению академического уровня и, соответственно, конкурентоспособности национальной науки на международной арене⁹.

3. *Ритуальность*—

Определяет современную науку в ее социальном бытовании в РФ. В самом деле, в ситуации, когда поведенческие и дискурсивные ритуалы сталинской поры во многом утратили свой исконный смысл, они, тем не менее, продолжают соблюдаться психологическим сообществом, по инерции и в силу традиции поддерживающим привычные карнавальные ритуалы даже в отсутствие социального запроса на них со стороны власти¹⁰.

4. *Разрыв между теорией и практикой*—

Характеризует советскую и постсоветскую психологию, по факту провалившую проект 1920х по объединению теории, эмпирической и прикладной науки на единой марксистской основе¹¹.

5. *Интеллектуальный и лингвистический изоляционизм*—

⁹ О кланах и «имбридинге» в российской науке см., например, в (Sivak & Yudkevich, 2015).

¹⁰ О ритуалах советской науки см. (Kojevnikov, 2004; Kremmentsov, 1997).

¹¹ Провал проекта построения «марксистской психологии» и, вопреки публичным и официальным декларациям, фактический отказ от реализации этого проекта в Советском Союзе имплицитно зафиксирован еще в работах С.Л. Рубинштейна 1940х годов; см. (Рубинштейн, 1940, 1946). Тем не менее, несмотря на исключительно редкие попытки постановки вопроса о подлинно марксистской — в неразрывном единстве эмпирической, теоретической и прикладной — психологии, в СССР эта задача в послевоенный период так поставлена и не была. Характерную иллюстрацию такого положения дел можно найти в резком критическом заявлении Л.И. Божович начала 1970х годов, сделанном в адрес самопровозглашенного «основателя марксистской психологии в СССР» А.Н. Леонтьева: «Вообще в концепции Леонтьева, так же как и в рассуждениях многих других психологов, оказался вынесенным за скобки анализ собственно психологического процесса развития потребностей, то есть процесса их перехода в качественно новые формы. Эту проблему он пытается разрешить в абстрактно-теоретическом плане, прибегая к данным истмата [то есть исторического материализма] там, где ему не хватает конкретных психологических данных. И это понятно, так как экспериментальных исследований в этой области, на результаты которых он мог бы опереться, еще очень мало» (Божович, 1972, р. 14).

Является одной из основных характеристик «сталинской модели» середины 1950х годов и ее последующей реализации на практике поколением 1920х-1930х. Основными чертами такого изоляционизма является в первую очередь не отсутствие фактических контактов и обменов между научными сообществами России и стран Запада, а весьма ограниченное владение русскими психологами как языками научной литературы Запада, в т.ч. английским, так и научными традициями и стандартами проведения и презентации (в т.ч. публикации) научных исследований, принятых в западных научных сообществах.

б. Культизм и агиографичность—

Являются основной формой историографического описания и, по факту, идеологической подоплекой коррумпированной системы найма на работу и поддержания существующего положения вещей в клановой системе психологии в РФ (см. пункт 2, выше). В области историографии науки индикаторами культизма и агиографичности является распространенность нарративов о так называемых «научных школах» в психологии. Одними из важнейших инструментов создания (и, потому, симптомов для идентификации) агиографии в историографии науки являются:

- (а) героизация исторического прошлого,
- (б) эмоциональность и этическая оценочность описания, нередко с активным использованием пропагандистских и милитаристских языковых средств,
- (в) бинарная поляризация исторических персонажей на «силы добра» и «силы зла» и изображение исторического процесса как борьба одних сил с другими,
- (г) демонизация «зла» и зачастую виктимизация сил «добра», которые вполне в традиции средневекового канона *Жития святых* (т.е., собственно, *Агиографии*) изображаются как «мученики» и «невинные жертвы» преследований¹².

Заключение

В заключение можно высказать предположение, что «сталинская модель», доминирующая в современной русской науке, в частности, психологии, является существенным препятствием на пути к дальнейшему эффективному ее развитию в современных условиях и что фундаментальная реформа не только социального уклада, но и традиций историографии русской психологии насущно необходимы.

¹² Кое-какие иллюстрации и обсуждение феномена «научной агиографии» можно найти в (Дмитриев, 2012).

Библиография

- Allik, J. (2013). Do primitive people have illusions? *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 6(3), 40–42.
- Fraser, J., & Yasnitsky, A. (2015). Deconstructing Vygotsky's Victimization Narrative: A Re-Examination of the "Stalinist Suppression" of Vygotskian Theory. *History of the Human Sciences*, 28(2), 128–153.
- Golunov, S. (2014). *The Elephant in the Room: Corruption and Cheating in Russian Universities*. Stuttgart: ibidem-Verlag.
- Kojevnikov, A. B. (2004). *Stalin's Great Science. The Times and Adventures of Soviet Physicists*. London: Imperial College Press.
- Krementsov, N. (1997). *Stalinist science*. Princeton: Princeton University Press.
- Lamdan, E. (2013). Who had illusions? Alexander R. Luria's Central Asian experiments on optical illusions. *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 6(3), 66–76.
- Lamdan, E., & Yasnitsky, A. (2013). "Back to the future": toward Luria's holistic cultural science of human brain and mind in a historical study of mental retardation. *Frontiers in Human Neuroscience*, 7, 509.
- Lamdan, E., & Yasnitsky, A. (2015). Did Uzbeks have illusions? The Luria—Koffka controversy of 1932. In A. Yasnitsky & R. Van der Veer (Eds.), *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies* (pp. 175–200). London & New York: Routledge.
- Mecacci, L., & Yasnitsky, A. (2011). Editorial changes in the three Russian editions of Vygotsky's "Thinking and Speech" (1934, 1956, 1982): Towards authoritative and

- ultimate English translation of the book. *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 4(4), 159–187.
- Osipian, A. L. (2012). Economics of corruption in doctoral education: The dissertations market. *Economics of Education Review*, 31(1), 76–83.
- Proctor, H. (2013). Kurt Koffka and the Expedition to Central Asia. *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 6(3), 43–52.
- Rostovtsev, A. (2015). Some Observations on the Subject of Dissertation Fraud in Russia. *Higher Education in Russia and Beyond*, (5), 17–18.
- Sivak, E., & Yudkevich, M. (2015). Academic Immobility and Inbreeding in Russian Universities. In M. Yudkevich, P. G. Altbach, & L. E. Rumbley (Eds.), *Academic Inbreeding and Mobility in Higher Education. Global Perspectives* (pp. 130–155). Palgrave Macmillan.
- Toulmin, S. (1978). The Mozart of psychology. Mind in Society: The Development of Higher Psychological Processes by L.S. Vygotsky, edited by Michael Cole, by Vera John-Steiner, by Sylvia Scribner, by Ellen Souberman, The Psychology of Art by L.S. Vygotsky, Soviet Developmental Psychology: An Anthology edited by Michael Cole. *The New York Review of Books*, 25(14), 51–57.
- Van der Veer, R., & Yasnitsky, A. (2011). Vygotsky in English: What still needs to be done. *Integrative Psychological and Behavioral Science*, 45(4), 475–493.
- Van der Veer, R., & Yasnitsky, A. (2015a). Translating Vygotsky: Some problems of transnational Vygotskian science. In A. Yasnitsky & R. Van der Veer (Eds.), *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies* (pp. 143–174). London & New York: Routledge.

- Van der Veer, R., & Yasnitsky, A. (2015b). Vygotsky the Published: Who wrote Vygotsky and what Vygotsky actually wrote. In A. Yasnitsky & R. Van der Veer (Eds.), *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies* (pp. 73–93). London & New York: Routledge.
- Yasnitsky, A. (2011). Vygotsky Circle as a personal network of scholars: Restoring connections between people and ideas. *Integrative Psychological and Behavioral Science*, 45(4), 422–457.
- Yasnitsky, A. (2012). The Complete Works of L.S. Vygotsky: PsyAnima Complete Vygotsky project. *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 5(3), 144–148.
- Yasnitsky, A. (2015a). A transnational history of “the beginning of a beautiful friendship”: The birth of cultural-historical gestalt psychology of Alexander Luria, Kurt Lewin, Lev Vygotsky, and Others. In A. Yasnitsky & R. Van der Veer (Eds.), *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies* (pp. 201–226). London & New York: Routledge.
- Yasnitsky, A. (2015b). The archetype of Soviet psychology: From Stalinism of the 1930s to the “Stalinist science” of our days. In A. Yasnitsky & R. Van der Veer (Eds.), *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies* (pp. 3–26). London & New York: Routledge.
- Yasnitsky, A. (2015c). Unity in diversity: Vygotsky-Luria Circle as an informal personal network of scholars. In A. Yasnitsky & R. Van der Veer (Eds.), *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies* (pp. 27–49). London & New York: Routledge.
- Yasnitsky, A., & van der Veer, R. (Eds.). (2015). *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies*. London & New York: Routledge.
- Артемьева, О. А. (2011). Был ли симбиоз? (По поводу статьи А. Ясницкого “Об изоляционизме советской психологии: зарубежные конференции 1920 - 1930-х гг.”). *Вопросы психологии*, (5), 101–110.

- Байфорд, Э. (2015). Понятия субнормы и патологии в истории российской науки о ребенке. *Вопросы психологии*, (1), 110–122.
- Божович, Л. И. (1972). Изучение мотивации поведения детей и подростков. In Л. И. Божович & Л. В. Благонядежина (Eds.), *Проблема развития мотивационной сферы ребенка* (pp. 7–44). Москва: Педагогика.
- ван дер Веер, Р. (2012). Рукописи не горят, не так ли? *Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*, (1), 139–144.
- Гольдберг, Э. (2012). «Спасибо за эти замечательные материалы – очень интересно». *Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*, (1), 121–123.
- Гончаров, О. А. (2013). Комментарий к статье А. Ясницкого «Курт Коффка: “У узбеков ЕСТЬ иллюзий!” Заочная полемика между Лурией и Коффкой». *Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*, (3), 26–32.
- Дмитриев, А. Н. (2012). “Ученый совет при Чингисхане”: поэтика и риторика постсоветского академического мемуара. *Труды Русской антропологической школы*, 11, 80–100.
- Завершнева, Е., & Осипов, М. (2010). Основные поправки к тексту «Исторический смысл психологического кризиса», опубликованному в 1982 г. в собрании сочинений Л.С. Выготского. *Вопросы психологии*, (1), 92—103.
- Завершнева, Е., & Осипов, М. (2012). Сравнительный анализ рукописи “(Исторический) Смысл психологического кризиса” и ее версии, опубликованной в т. 1 собрания

- сочинений Л.С. Выготского (1982) под редакцией М.Г. Ярошевского.
Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна», (3), 41–72.
- Коул, М. (2012). Комментарии к предыдущим комментариям. *Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*, (1), 128–132.
- Кременцов, Н. Л. (1994). Равнение на ВАСХНИЛ. In М. Г. Ярошевский (Ed.), *Репрессированная наука. Выпуск 2* (pp. 83–96). СПб.: Наука.
- Кременцов, Н. Л. (1997). Принцип конкурентного исключения. In Э. И. Колчинский (Ed.), *На переломе: советская биология в 20-х -- 30-х гг. Вып. 1* (pp. 107–164). СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН.
- Ламдан, Э. (2013). У кого были иллюзии? Среднеазиатские эксперименты А.Р. Лурии с оптическими иллюзиями. *Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*, (3), 53–65.
- Ренатус. (2012). «Дело в том, что в архиве Выготского нашли поначалу только английскую версию этого текста...». *Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*, (1), 114–117.
- Рубинштейн, С. Л. (1940). *Основы общей психологии*. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР.
- Рубинштейн, С. Л. (1946). *Основы общей психологии*. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР.
- Щедровицкий, Г. П. (2001). *Я всегда был идеалистом...* Москва: Путь.

- Ясницкий, А. (2010). Об изоляционизме советской психологии: зарубежные конференции 1920-30-х гг. *Вопросы психологии*, (3), 101–112.
- Ясницкий, А. (2011а). Изоляционизм советской психологии? Ученые, «импорт-экспорт» в науке и власть. *Вопросы психологии*, (6), 108–121.
- Ясницкий, А. (2011б). «Когда б вы знали, из какого сора...»: К определению состава и хронологии создания основных работ Выготского. *Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*, (4), 1–52.
- Ясницкий, А. (2011с). Об изоляционизме советской психологии: научные публикации 1920-30-х годов. *Вопросы психологии*, (1), 124–136.
- Ясницкий, А. (2012а). Изоляционизм советской психологии? Интеллектуальная история как миграция, трансформация и циркуляция идей. *Вопросы психологии*, (2), 66–79.
- Ясницкий, А. (2012б). Изоляционизм советской психологии? Неформальные личные связи ученых, международные посредники и «импорт» психологии. *Вопросы психологии*, (1), 100–112.
- Ясницкий, А. (2012с). К истории культурно-исторической гештальтпсихологии: Выготский, Лурия, Коффка, Левин и др. *Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*, (1), 60–97.
- Ясницкий, А. (2012d). “Орудие и знак в развитии ребенка”: Самая известная работа Л.С. Выготского, которую он никогда не писал. *Методология и история психологии*, 7(2).
- Ясницкий, А. (2012е). Реконструкция поездки А.Р. Лурии на IX Международный психологический конгресс. *Вопросы психологии*, (4), 86–93.

- Ясницкий, А. (2013). Курт Коффка: “У узбеков ЕСТЬ иллюзий!” Заочная полемика между Лурией и Коффкой. *Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна»*, (3), 1–25.
- Ясницкий, А. (2015). Дисциплинарное становление русской психологии первой половины XX века. In А. Н. Дмитриев & И. М. Савельева (Eds.), *Науки о человеке: история дисциплин* (pp. 299–329). М.: Издательский дом НИУ ВШЭ.
- Ясницкий, А. / Yasnitsky, A., N. (2013). Среднеазиатские психологические экспедиции. Хроника событий в письмах и документах / Psychological expeditions of 1931-1932 to Central Asia. Chronicle of events in letters and documents. *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*, 6(3), 114–166.
- Ясницкий, А., & Завершнева, Е. (2009). Об архетипе советской психологии как научной дисциплины и социальной практики. *Новое литературное обозрение*, (100), 334–355.